

САННА СЬЮ

КРИЗИС СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ 2

18+

Кризис семейной жизни

Санна Сью

Кризис семейной жизни 2

«Автор»

2026

Санна Сью

Кризис семейной жизни 2 / Санна Сью — «Автор»,
2026 — (Кризис семейной жизни)

Развод с горьким привкусом кофе
Мы женаты двадцать лет, и я доверяла
мужу, как самой себе. Но сегодня утром я узнала, что он не просто мне
изменяет, но и хочет лишиться доли в бизнесе. Нет, дорогой, так дело не пойдёт.
Развод будет на моих условиях. Развод. Ты совсем потерял берега
Мы прожили
двадцать пять лет. Вырастили двоих детей. Но я узнала, что муж мне не
просто изменяет, а пошёл на невообразимое предательство. Очень похоже,
что он спутался с новой девушкой сына. Это полный крах нашей семьи.
Подобного я не прощу. Неизлечимый развод
Я думала, у меня идеальный брак.
Пока не застала мужа за занятием «лечебной физкультурой» с медсестрой
прямо в нашей спальне. К этому прилагались эрекция и дурацкие оправдания.
В тот момент моя жизнь раскололась на «до» и «после». Ведь делать из меня
дуру я не позволю.

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Санна Сю

Кризис семейной жизни 2

Глава

Кризис семейной жизни 2

Развод с горьким привкусом кофе

Глава 1

— Марго, тебе ещё долго? — недовольно спрашивает муж, поднимаясь из-за кухонного стола.

Как обычно, про то, что надо за собой хотя бы в раковину посуду убрать, Даня забывает. Я хватаю пучок укропа и примеряюсь к нему ножом — зелень крошится с жалобным хрустом.

— Я, между прочим, по твоей просьбе грибной суп варю, — бросаю через плечо. — Поэтому нечего мне тут бурчать. И тарелку с кружкой убери в посудомойку.

Говорю это сквозь зубы, чувствуя, как нагревается шея под хлопковой блузкой. Я ведь тоже работаю, но ради его «приготовь чего-нибудь домашнего уже, надоела ресторанная еда» встала на час раньше и кручусь у плиты.

Даня вздыхает, но послушно сгребаёт свою посуду. Фарфор со звоном бьётся о металл посудомойки.

— Я пошёл одеваться и машину греть. Жду тебя на парковке, — бросает он, уже выходя.

Его шаги затихают, но вместо них раздаётся топот Алиных кед. Дочь влетает в кухню, как ураган — растрёпанная, в наспех наброшенной куртке.

— Папа телефон в ванной оставил! — выпаливает она, запуская чёрный смартфон по столешнице в мою сторону.

Гаджет скользит, задевая мою чашку с остывшим кофе, и, конечно, его расплёскивает.

— Отнеси ему в спальню, он ещё дома, — говорю, автоматически ловя телефон за миг до падения.

— Не-а, я вообще очень сильно опаздываю!

Алина исчезает быстрее, чем я успеваю моргнуть. Дверь хлопает так, что вздрагивают чашки в серванте.

И в эту секунду экран в моих руках вспыхивает. Телефон заблокирован, но я успеваю прочитать. Новое сообщение от Кот: «Всё готово. Можешь ей уже говорить про развод».

В ушах резко становится тихо, будто ватой заткнули. Виски пульсируют — тук-тук-тук — ровно как метроном перед взрывом.

Этому наверняка есть объяснение! Но пальцы уже сами тянутся к экрану.

— Что там? — раздаётся у самой двери.

Я вздрагиваю так сильно, что телефон едва не выскальзывает из потных ладоней. Поднимаю глаза — Даня стоит на пороге уже в пальто и с ключами в руке.

— А кто разводится, Дань? — слышу я собственный голос будто со стороны. Глухой, безжизненный.

Горло сжало так сильно, что каждый глоток воздуха даётся с трудом. В груди — ледяная тяжесть. Я знаю это чувство. Оно бывает только перед катастрофой.

Тишина.

Даня застыл в дверном проёме, пальцы сжимают ключи до побелевших костяшек. Его глаза — тёмные, прищуренные, как всегда, когда он врёт — бегают от моего лица к телефону в моих руках.

— Ты что, в мой телефон полезла?

Он делает шаг вперёд. Я машинально отступаю, прижимая гаджет к груди.

— Кто такой Кот? — спрашиваю, и голос мой теперь звучит звонко, как ледяная бритва.

Даня вдруг улыбается. Эта его улыбка — кривая, снисходительная — всегда появляется, когда он знает, что попался, но собирается выкручиваться.

— Рит, ну ты чего начинаешь на ровном месте? — муж разводит руками, его голос звучит спокойно, почти вальяжно. — Развод не тот развод, о котором ты подумала. Это когда кого-то разводят, шутят. А Кот — это Мишка Котов из бани. Помнишь, я тебе про него рассказывал?

Ни про какого Мишку Котова я рассказов не помню.

Муж улыбается своей обаятельной улыбкой, той самой, от которой у меня когда-то подкашивались ноги. Но сейчас я замечаю, как его пальцы нервно перебирают край дверного косяка, как левый глаз чуть подрагивает — точь-в-точь как тогда, когда он соврал про потерю обручального кольца, которое потом нашлось в кармане его куртки.

— И вообще его сообщение тебя никак не касается, — добавляет он уже раздражённо.

Но я почему-то ему не верю. Сама себе боюсь признаться, но в последнее время я замечаю, как мой муж изменился. Не внешне — он всё такой же подтянутый красавец с густыми тёмными волосами и лёгкой сединой у висков, которая только добавляет ему шарма. Но внутри...

Мы познакомились, когда искали помещение под кофейню. Мне было двадцать два, я только что получила приличное наследство от деда по отцовской линии и горела желанием стать успешной бизнес-леди. А Даня... Дане было на три года больше, и он уже владел одной небольшой кофейней. Искал место для второй.

Наш спор из-за идеального помещения в центре города длился почти месяц. Мы встречались у этого здания по несколько раз в неделю — то я приходила с риелтором, то он появлялся с подрядчиками. А потом... Потом он пригласил меня на кофе в свою кофейню, и через три часа разговора я поняла, что влюблена.

Через полгода мы поженились. Ещё через полтора у нас родилась Алина.

Я отошла от дел, полностью погрузившись в материнство. Ненадолго — говорила я себе тогда. Но это «ненадолго» растянулось до окончания Алиной школы. Сейчас моя дочь оканчивает первый курс университета, а я вернулась в бизнес чуть меньше года назад.

И... не могу сказать, что на работе мне всё нравится. Я будто стала чужой в собственном деле. Сотрудники смотрят на меня с недоумением, когда я предлагаю изменения. А вчера, когда я предложила обновить дизайн меню, случайно услышала, как новый менеджер буркнул: «Что сделать, чтобы она унялась уже?»

Но самое страшное — это взгляд Данилы. Тот самый — холодный, раздражённый. Как будто я не его жена, с которой он прожил двадцать лет, а назойливая муха, мешающая его комфорту.

— А может, тогда покажешь мне всю переписку целиком? — прошу я с вызовом в голосе, крепче сжимая его телефон.

Лицо Данилы мрачнеет. Его глаза становятся холодными, как январский лёд.

— Рита, ты сейчас меня сильно обидела своим недоверием, — цедит он сквозь зубы, делает ко мне широкий шаг и вырывает свой гаджет из моих рук. — Добирайся на работу сама. Я тебя ждать не буду!

Больно! Автоматически сую палец в рот. Кажется, он мне ноготь сломал!

Но Данила резко разворачивается и исчезает в прихожей. Через секунду дверь хлопает так, что я вздрагиваю.

Всеми своими действиями муж пытается навязать мне чувство вины. Однако я не спешу раскаиваться. Я не психичка и не истеричка. Если у меня появились мысли о том, что Данила что-то от меня скрывает, значит это не на ровном месте.

Достаю из кармана телефон и набираю старшего брата. У него есть один друг... Тот самый, о котором я двадцать лет даже слышать не хотела. Но сейчас...

— Алё? — хриплый голос Артёма звучит сонно.

— Привет. Мне нужен Князев, — выдыхаю я, чувствуя, как дрожат мои пальцы.

На другом конце провода — долгая пауза. Потом тихий свист.

— Серьёзно? Двадцать лет запрещала даже его имя произносить, а теперь...

— Теперь мне нужна его помощь, — перебиваю я. — Отчаянные времена, Тём, требуют отчаянных мер.

Ещё одна пауза. Потом:

— Ладно. Он сейчас в городе. Жди звонка. Но сначала мне расскажи, что у тебя случилось. Кого надо убить?

Глава 2

Артёму ничего толком не рассказываю, отделяюсь фразой, что на болтовню с ним времени нет, но конкуренты что-то задумали, и я хочу выяснить что именно. А то ведь я брата знаю — он с Данилы шкуру спустит. Но на работу не спешу. Собираюсь не торопясь. Жду звонка, а заодно вспоминаю, почему двадцать пять лет избегала любых воспоминаний о Тимуре Князеве.

Мой старший брат учился с ним в университете и когда впервые привел его к нам домой, я влюбилась с первого взгляда. Много ли надо шестнадцатилетней девчонке, чтобы потерять голову? Высокий, мускулистый, русоволосый красавец с загадочным выражением лица — именно таким мне запомнился Тимур Князев. А еще у него был собственный крутой «Харлей», который сводил с ума всех девчонок.

В шестнадцать я считала себя очень взрослой и смелой, поэтому скрывать свои чувства не стала. Помню, как поймала Тимура в родительском коридоре одним душным летним вечером, затащила в ванную, захлопнула дверь и, закинув руки ему на плечи, призналась во всем, глядя прямо в глаза...

Он рассмеялся. Не просто улыбнулся, а именно громко, от души рассмеялся, будто услышал самую смешную шутку в своей жизни.

— Рита, ты хоть понимаешь, что так нельзя? — сказал он, вытирая слезы. — Я взрослый мужчина, и у меня взрослые потребности. Думаешь, мне интересно с тобой в куклы играть? А ты держись даже от мальчиков подальше, пока не научишься сначала думать, а потом делать.

Нет, так-то он, конечно, был прав. И этот случай действительно научил меня разумной осторожности. Но тот ужасный всепоглощающий стыд, который я испытала тогда в ванной комнате... Мне больше никогда не хотелось переживать ничего подобного.

Князев мог бы и поделikatнее меня на место поставить. Все же ему в тот момент было уже двадцать два — действительно взрослый мужчина. А я была просто глупой девочкой с бурлящими гормонами.

Телефон в моей руке внезапно вибрирует. Незнакомый номер. Сердце бешено колотится, когда я подношу трубку к уху.

— Привет, Маргаритка. Рассказывай, что стряслось, — раздаётся в трубке густой хрипловатый голос, который я, оказывается, помню до мельчайших интонаций даже спустя четверть века.

Вдох, выдох, вдох, выдох.

— Здравствуй, Тимур. Мне нужна информация. О моём муже.

И снова этот проклятый стыд, будто я опять та шестнадцатилетняя дурочка из ванной. Что за чертовщина? Почему каждая наша встреча — это вечное унижение?

— Подозреваешь, что изменяет? Или ещё что похуже? — деловито уточняет Князев, и я слышу, как на его конце провода щёлкает зажигалка.

Он спокоен. Слишком спокоен.

Видимо, зря я стою тут, краснея до корней волос. Для него мой звонок — обычное дело. Хотя мы с братом никогда не обсуждали Тимура, я прекрасно знаю, чем он занимается: частное детективное агентство «Князь». Таких обманутых, как я, клиентов через него прошло видимо-невидимо.

— И то, и другое, — выдыхаю я. — Мне кажется, он хочет развестись и лишить меня доли в бизнесе.

— Гандон, — моментально припечатывает Князев. — Но лучше поговорим с глазу на глаз. Когда сможешь встретиться?

— Ты... сам этим займёшься? — не верю своим ушам.

Я-то думала, он просто выделит какого-нибудь подчинённого. Зачем директору агентства возиться с банальным бракоразводным делом?

— Конечно. Ты мне не чужая. И я тебе должен. — Его голос внезапно становится мягче.

Я открываю рот, чтобы спросить «За что должен?», но в последний момент прикусываю язык. А вдруг он вспомнит ту ванную? Вдруг за эти годы осознал, как жестоко поступил? Нет уж, это обсуждение я точно не переживу.

— Я могу подъехать сейчас. Куда? — быстро перевожу тему.

— За сколько доберёшься до городской библиотеки?

Библиотеки? Серьёзно? Прямо как в дешёвом детективе.

— Тридцать минут, — прикидываю время на дорогу и сборы.

— Хорошо. Зайдёшь внутрь, скажешь, что ко мне. Тебя проводят.

Он сбрасывает звонок, даже не попрощавшись.

Я мчусь в гардеробную и замираю перед зеркальным шкафом. Что надеть? Платье? Хватаю длинное, красное, облегающее. Нет, слишком откровенно. Брючный костюм? Слишком официально. Джинсы и свитер? Слишком буднично. Мне хочется предстать перед ним безупречной. Знающей себе цену женщиной.

Прикусываю губу. Если уж быть совсем честной...

Иногда, закрывая глаза перед сном, я позволяла себе фантазировать. И в этих фантазиях Тимур Князев частенько появлялся в роли главного героя. Нет, я не была в него все эти годы влюблена. Я всей душой все эти годы любила мужа, но... Князев невольно стал некой недосягаемой мечтой, как актёр с плаката.

Выбираю маленькое черное платье — бессмертная классика. Оно не облегает фигуру, но прекрасно подчеркивает все её достоинства. На шею повязываю свой любимый шарфик из брендовой коллекции. Шелк скользит по коже, добавляя уверенности в себе.

Макияж! Обычно на работу я крашу ресницы и прохожусь по губам блеском. Сегодня же наношу тон и рисую стрелки. Сапоги тоже достаю парадно-выходные. Высокие, до колен, на каблук.

Кручусь перед зеркалом. Смотрю на себя в отражение. В глазах — нервозность, в позе — сомнение. Может, переодеться и умыться? Слишком уж явно старание. Подумает еще, что я для него так нарядилась.

Но смотрю на часы — время поджимает. Секунды бегут, а я все стою, разрываясь между желанием произвести впечатление и страхом показаться наигранной. Нет. Пойду как есть. Только и успею вызвать такси и доехать до места.

Городская библиотека встречает меня прохладным полумраком и запахом старых книг. Я неуверенно переступаю порог, чувствуя, как подол платья задирается выше колен от быстрой ходьбы.

— Я к Князеву, — шепчу библиотекарше, женщине лет пятидесяти с постным выражением лица.

Та оценивает меня острым взглядом сверху вниз, затем кивает на узкую лестницу:

— Третий этаж. Кабинет в конце коридора. Дверь с вензелем.

Сердце колотится так, будто я банк собираюсь ограбить, а не со старым знакомым мужа обсудить.

Глава 3

Городская библиотека расположена в старинном особняке XIX века — когда-то здесь жила семья купцов Лавровых, а теперь высокие потолки с лепниной и дубовые двери хранят тишину книжных залов. Отдельные кабинеты — бывшие господские комнаты, и в каждой чувствуется отголосок прошлого: потрескавшийся паркет скрипит под ногами, а в витражах играют солнечные зайчики.

Захожу в ту, что с выцветшим вензелем «К» на двери — возможно, это был кабинет хозяина дома, — и понимаю, как гармонично в ней смотрится Князев.

С годами он стал настоящим князем: холеный, с идеально подстриженной бородкой, в безупречно сидящем на плечах пиджаке. Его красота — не мягкая, а властная, с холодным блеском в глазах и уверенностью в каждом движении. Колени подкашиваются от таких мужчин и дыхание сбивается.

— Присаживайся, Маргаритка, рассказывай все подробности, — говорит он с легкой, почти игривой улыбкой, но взгляд при этом острый, цепкий.

Кажется, будто он видит меня насквозь, читает мысли и уже просчитал все варианты еще до того, как я открыла рот. Машина, а не человек.

Даю себе мысленного пинка и, стараясь не дрожать, усаживаюсь за массивный дубовый стол напротив него. Выкладываю всё, что меня тревожит, включая утреннее сообщение от Кота.

Тимур барабанит длинными пальцами по столешнице, словно отстукивает шифр.

— Меня в этой истории только одно смущает, — наконец произносит он.

— Что именно?

— Он не может не понимать, чем ему грозит попытка тебя обворовать. За тобой стоит семья, а значит это чревато последствиями.

— И что это значит? — спрашиваю тихо, сжимая ладони в кулаки.

— Либо он безумно влюблен и потерял голову, либо Кот — кто-то очень влиятельный, и его он боится больше.

— То есть ты считаешь, что речь шла именно о нашем с ним разводе?

— Не то чтобы на сто процентов. Надо для начала копнуть глубже. Но по опыту могу сделать такой вывод. К сожалению, среди нас много идиотов, которые с годами перестают ценить сокровище, которое им дано, и делают глупости в погоне за мечтой.

Разговор у нас сухой и по делу, но то, что он считает меня сокровищем, — приятно.

— Спасибо, что согласился помочь. Скажи, сколько времени потребуется, чтобы во всем разобраться?

— По телефону лучше ничего не обсуждать. Если это не обычная измена, то может стоять прослушка. Ты сможешь вечером еще раз со мной встретиться?

Киваю.

— Скажу Даниле, что надо к родителям заехать.

— Хорошо. Значит, встретимся у их подъезда в семь. У меня уже будут основные сведения. А сейчас езжай по своим делам и веди себя так, будто ничего не происходит.

Встаю, чувствуя, что ноги ватные, но держусь.

— Еще раз спасибо, Тимур.

— И да, Маргаритка... — его голос вдруг становится мягче, почти ласкает, — ты стала настоящей красавицей. Не вздумай в чем-то винить себя. Если твой муж тебе изменяет — идиот он, а не с тобой что-то не так.

И вроде как его слова должны звучать подбадривающе, как мотивационные, но... они воспринимаются иначе — как намек, что я Князева заинтересовала как женщина, что он мною

восхищен и предлагает утешиться в его объятиях. Бред, конечно. Но у меня мурашки по коже, я смущаюсь и из кабинета вылетаю с горящими щеками.

В центральную кофейню в офис еду тоже на такси — моя машина на техобслуживании.

Готовлюсь отвечать на вопросы мужа, почему так задержалась, но его на месте просто-напросто нет.

— В банк уехал, — говорит администратор, даже не поднимая глаз от монитора.

Меня злит, что я не в курсе банковских дел нашей общей сети. Но по-настоящему страшно становится, когда я понимаю: у Данилы есть моя электронная подпись. В ушах звенит голос налогового инспектора, которая мне выдавала флешку:

— Маргарита Сергеевна, никогда не забывайте, что этой подписью можно заверить любую сделку. Даже куплю-продажу квартиры. Поэтому не доверяйте ее никому.

Но разве же я могла себе когда-то представить, что муж задумает меня обмануть? Я доверяла Дане как самой себе.

Сажусь за свой стол — матовое стекло, следы от кофейных кружек, его опять даже не протёрли утром! — и роняю голову на руки. Спокойно, Рита! Ты можешь ошибаться! В конце концов Данила пока еще ни разу тебя не подводил. Ну подумаешь, охладел немного! Нельзя сразу в самом страшном его подозревать. Дыши, успокаивайся!

Провожу с собой эту мысленную беседу — и мне действительно становится лучше. Иду за тряпкой, вытираю стол сама. Включаю компьютер, пытаюсь заняться работой — я все же хочу обновить меню, несмотря на всеобщее сопротивление, — но меня отвлекает звонок. Смотрю на экран — «любимая» свекровь.

Отношения у нас с Александрой Яковлевной, прямо скажем, натянутые. Она взъелась на меня за то, что я занималась Алькой сама, а мы должны были, по ее авторитетному мнению, перевезти бабушку к себе домой, чтобы доверить это сложное дело ей. А я просто обязана была отдать себя работе, чтобы Данечка не слишком уставал. Но так как я эту ее идею категорически не поддержала, все пошло не так: и Алина выросла неправильной, и бизнес у нас чахнет, и бедный Данечка себя до камня в желчном пузыре из-за моего эгоизма довел.

— Доброе утро, Александра Яковлевна, — говорю приветливо, хотя зубы стиснуты.

Мне еще с ней поругаться не хватало для полного счастья.

— Не доброе! — рявкает свекровь. — Ты опять сына против меня настраиваешь?! Почему он уже неделю ко мне не приезжает?! У тебя совесть вообще есть?!

Я моргаю недоуменно. Как это «не приезжает»? Он позавчера у нее чуть ли не до полуночи проторчал. По его словам, конечно.

Весь аутотренинг летит к чертям. Подозрения становятся сильнее.

Глава 4

Данила

Кот — мое наваждение и слабость. Она сводит меня с ума, заставляет кровь бешено стучать в висках, а пальцы непроизвольно сжиматься в кулаки от желания. Эта хищная кошка с изумрудными глазами и походкой пантеры уже больше трёх месяцев как превратила мою жизнь в адреналиновый коктейль. Но я не полный идиот, знаю — за её страстью скрывается холодный расчет. Я прекрасно понимаю, что эта меркантильная стерва поиграет со мной и, обобрав до нитки, поменяет на другой кошелек на ножках. Поэтому сам использую ее по полной программе: в гостиничных номерах с зеркальными потолками, в лифте ее же элитного дома, на кухонном столе в ее квартире, даже в ресторанных кабинетах. Обещаю золотые горы, клянусь в вечной любви, но, само собой, разводиться с женой не собираюсь. Марго — моя судьба и удобная гавань.

Однако с недавних пор Кот начала что-то подозревать. В последнее время ее ласковые объятия стали напоминать удавку, а поцелуи — скорее проверку на вшивость. Мне пришлось прятать от жены засос на животе! Спасибо хоть не на шее. А после утреннего сообщения, которое прочитала жена, внутри поселился липкий страх. Катка явно готовится к решительному броску.

Заезжаю в центральную кофейню только отметить. Бросаю администратору небрежное:

— Буду весь день в банке.

А сам мчусь к ней. Открываю своим ключом, надеясь застать ее в шелковом пеньюаре, но...

Кот встречает меня в деловом костюме цвета антрацита. Туго стянутый пучок, очки в тонкой оправе (я-то знаю, что стекла там без диоптрий), алые губы, сложенные в презрительную складку. Ну вылитая секретарша или строгая училка из порнофильмов. Все мои благие намерения остудить ее пыл испаряются — пальцы сами собой впиваются в узкую юбку и задирают её к талии, чтобы сжать ничем не прикрытую упругую задницу. Кот, в отличие от моей жены, носит не трусы, а ниточки. Обожаю её за это!

— Какой ты сегодня нетерпеливый! — Ее хриплый смешок обжигает ухо. — Сначала дело. Сказал жене, что разводишься? Флешку привез?

Мир рушится в одно мгновение. Ясно как день — если сейчас ляпну правду (что от Марго с ее связями и братом — бывшим бандитом, а ныне депутатом, мне как-то бежать совсем не с руки), потеряю Катку здесь и сейчас. А ведь я столько вложил в эту игру! Бабла потратил! Увел ее у того старого пердуна только благодаря сладким сказкам о разводе, женитьбе на ней, совместном бизнесе и вилле на Лазурном берегу.

— Представляешь, у нее срок подписи закончился, — вру без тени смущения, — надо продлевать в налоговой. Потерпи немного, котёнок.

— Блин, ну ты даешь! — Накрашенные губы складываются в обиженный бантик. — Я же уже обо всем с юристом договорилась!

Вот она — ахиллесова пята моей хищницы. За всей этой гламурной оболочкой — девчонка из провинции, едва окончившая курсы визажистов. Именно эта дурацкая наивность под личиной стервы сводит меня с ума.

— Ну ты же у меня умница, — глажу ее по щеке, чувствуя под пальцами шелк безупречной молодой кожи, — перенесем на недельку. Но только давай не будем раньше времени пугать мою жену...

— Называй ее БЫВШЕЙ! — В голосе любовницы прорезаются истеричные нотки.

— Бывшую жену, — поправляюсь, целуя длинную нежную шейку. — А то она мне новую подпись не доверит.

— Ну ваще, конечно, мась! — Катька пытается меня оттолкнуть. — Я думала, мы уже через две недели полетим на свадьбу Ники на Мальдивы как жених и невеста. Видишь, даже костюм деловой купила! Вживаюсь в роль хозяйки кофейен.

А я уже мысленно срываю с нее эту юбку. Вот ведь парадокс — я эту алчную дурочку совсем не люблю, но стоит вспомнить, что она умеет делать... как разум отключается. Может, в этом и есть ее главный талант — превращать трезвомыслящих мужчин в животных?

— Обязательно поедем, но чуть позже, — вру и тяну её в спальню.

Но Кот сопротивляется.

— Давай сначала пообедаем. — Выпутывается из моих рук и поправляет юбку. — В том новом ресторане у причала. Я зря одевалась, что ли?

Пальцами впивается в мой галстук, будто когтями, и притягивает к себе для поцелуя. Я чувствую, как по спине ползет холодный пот. Не люблю появляться с любовницей на людях. Доброжелателей в городе много. Донесут жене — и мне конец.

— Кошечка моя, давай лучше закажем сюда. — Мой голос предательски хрипнет.

— Не-е-ет! — тянет она, играя пухлой губой. — Я надела новое белье. Хочу, чтобы ты его оценил... после обеда, как ты любишь.

Телефон в кармане начинает вибрировать. Экран светится: «Жена». Сердце замирает. Если не возьму трубку — у Марго добавится подозрений. Если возьму — Кот устроит сцену.

— Извини, это банк... — Я резко сбрасываю вызов и выключаю гаджет.

— Ты сегодня какой-то дёрганный. — Кот язвительно поднимает бровь. — Надеюсь, ты не собираешься меня кинуть, мась?

Ее смех режет, как стекло. Я выкручиваюсь:

— Я же говорил, что надо дождаться новую электронную подпись, а до этого не стоит рисковать...

— Ой, перестань! — Катька слегка шлепает меня по щеке, но в глазах — лед. — Если ты такой трус, может, мне найти настоящего мужчину?

В животе все сжимается. Я не готов прямо сейчас от неё отказаться. Хотя бы ещё недельку!

— Ладно, черт с тобой, — цежу сквозь зубы. — Но на час, не дольше. Дела.

Кот торжествующе улыбается, поправляя очки, а когда проводит языком по губам, я снова забываю, зачем вообще сопротивлялся.

Господи, как же я ее ненавижу.

И как же хочу прямо сейчас.

Глава 5

Ничего не говорю свекрови, хоть и очень хочется. Губы сами собой сжимаются в тугую ниточку, ногти впиваются в ладони. Но я прекрасно понимаю — возражать бесполезно. Я в любом случае окажусь у нее виноватой. Что бы Даня ни сделал — к этому обязательно подтолкнула его я. Так что просто выслушиваю ядовитые упрёки и прощаюсь. Но набираю мужа — он сбрасывает вызов. Пытаюсь еще раз — телефон уже выключен. Это последняя капля. Слезы катятся по щекам горячими градинами, оставляя на пудре неопрятные бороздки.

Вспоминаю...

Как же нам было хорошо с Данилой в первые годы! Мы дышали в унисон, смеялись над одними шутками, заканчивали мысли друг друга. Как он носился со мной во время беременности — пылинки сдувал, массировал отекавшие ноги по ночам, выполнял любой каприз. Как с сияющими глазами возился с новорожденной Алькой, пеленал как опытная нянька. Какие жаркие ночи мы проводили — когда от соприкосновения кожи, казалось, вспыхнет простынь. Да и не только ночи... Бывало среди бела дня накатывало невыносимое желание — и мы запирались в кабинете, придумывая нелепые оправдания для сотрудников.

Я думала, мы состаримся вместе. Будем как те два божьих одуванчика с открытки — седые, морщинистые, но все так же неразлучные — гулять по парку, держась за руки.

Ан нет. Ошибочка вышла.

Но когда все изменилось?

Что я сделала не так?

Невыносима мысль, что вся моя жизнь несется куда-то в черную дыру.

Еле удается взять себя в руки.

Еще и накрутилась сдуру! В зеркале отражается перекошенное лицо клоунессы — размазанная тушь, припухшие красные глаза. Вытираю черные подтеки ватным диском, капаю «Визин», дожидаюсь, когда следов истерики не останется, и уезжаю с работы. Не могу там находиться. Меня не отпускает чувство, что стены здесь пропитаны ложью, что каждый угол шепчет за моей спиной.

Еду к родителям. Дождусь встречи с Князевым у них. Тем более уже четвертый час — недолго осталось.

Даня выходит на связь, когда я выхожу из лифта на этаже родителей.

— А ты где? — Его голос режет ухо металлическими нотками. — Вернулся из банка, а кабинет пустой. Ушла, никому ничего не сказала.

— К родителям поехала, — бурчу, прижимая телефон к уху плечом, пока копаюсь в сумке в поисках ключей.

Похоже, не взяла.

— Когда домой явишься? — спрашивает таким тоном, будто я непослушный подросток, обязанный отчитываться за каждый шаг.

— Сегодня поздно, — отрезаю, чувствуя, как в груди закипает лава.

Даже если разговор с Тимуром займет пять минут, я найду где убить время! Хоть в кино пойду на два сеанса подряд.

— Рита, мне не нравится твой тон и заявления. — В голосе Данилы появляется опасная хрипотца. — Что ты там допоздна делать собралась?

— Ну я же не спрашиваю, что ты у своей мамы позавчера до полночи делал, — говорю полным сарказма сладким голосом. — Вот и ты не спрашивай.

Мои слова выводят его из себя окончательно.

— Марго, ты хочешь поссориться, что ли?! — орет так, что динамик трещит. — Что с тобой не так?! Что тебя не устраивает?! Тебе не кажется, что ты зажралась?!

Я отстраняю телефон от уха, но его истеричный голос все равно бьет по барабанным перепонкам.

И вдруг мне становится кристально ясно...

Он просто провел невольную параллель. Раз сам он позавчера у матери не был (а занимался черт знает чем с черт знает кем), значит и я так же сделаю. Горько усмехаюсь.

— Это кто еще из нас зажрался, дорогой, — произношу ледяным тоном. — Дома поговорим. Вернусь, и обсудим это.

Отключаюсь. Звоню в дверь родителей: три коротких, один длинный — наш старый код из детства.

Открывает мама и сразу хмурится. Ее пронизательные глаза, как два рентгеновских аппарата, мгновенно сканируют мое лицо. Словно читает меня по невидимым чернилам души.

В прихожей пахнет корицей и самыми тёплыми воспоминаниями.

А в груди — пустота размером с жизнь.

— Привет, — говорю, растягивая губы в неестественно-широкой улыбке, целую ее в морщинистую щеку. — Все дома?

Мамин поцелуй в ответ теплый, но взгляд остается настороженным. Ее руки ненадолго задерживаются на моих плечах.

— Отец в гараже. — Она не отводит взгляда. — Что случилось?

— Да просто соскучилась, — лгу, отворачиваясь к зеркалу в прихожей, будто поправляю растрепавшиеся волосы.

— Не ври мне, — мамин голос внезапно становится мягким, как в детстве, когда я болела. — У тебя в глазах стоит такая боль, что у меня сердце щемит. Что учудил Данила?

И вот — лопнула последняя струна. Непослушные слезы снова предательски катятся по щекам, оставляя соленый привкус на губах. Прохожу в кухню, где пахнет вчерашними пирогами и лавандовым средством для мытья полов. Второй раз за день выкладываю все свои подозрения о муже теперь уже маме.

Она мрачнеет на глазах. Ее тонкие брови ползут вверх, образуя на лбу гармошку из морщин, качает головой, вздыхает.

— ...Поэтому я к Князеву и обратилась. Чтобы все выяснил, — завершаю рассказ, размазывая салфеткой тушь по щеке.

— Ясно. Тогда дело, можно сказать, решенное, — произносит мама загадочно и поднимается со стула, чтобы поставить на газ чайник.

Электрические она принципиально не любит — говорит, кипятик в них не такой.

— Каким образом оно решенное? — уточняю, потому что в голове один сплошной вопросительный знак.

Чайник закипает с театральным свистом, но мама делает вид, что не слышит. Раздумывает.

— Рит, ну смотри, тут все просто, — начинает она, наконец выключая газ. — То, что Данила пошел налево — сомнению не подлежит. На ровном месте женское сердце ныть не начинает. А вот по поводу бизнеса ты ошибаешься, скорее всего. Подумай сама — разве твой муж идиот?

— Нет, — выдавливаю из себя, чувствуя, как в горле встает ком.

— Он прекрасно понимает, что Артем его просто прихлопнет и фамилии не спросит. Он не стал бы так рисковать, даже если бы потерял голову от любви.

— Ну а в чем дело решенное? В том, что он точно собирается со мной развестись? — Голос становится чужим, слишком высоким.

Мама замирает с чайником в руке. Ее глаза внезапно становятся круглыми, как у совы.

— Это ты собралась с ним развестись, раз пошла к Тимуру, а не он с тобой. — Ставит чайник с таким стуком, что вздрагивает полка с посудой. — Муж тебе ничего про развод пока

даже не говорил, а ты обратилась к тому, кто точно на него такой компромат накопает, что ты за один стол с ним побрезгуешь сесть.

Тишина. Только тикают старые кухонные часы и потрескивает остывающий чайник.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно произношу, ощущая, как мысль пробивается сквозь туман, — что для сохранения семьи надо было сидеть тихо, не копать и ждать, пока Даня либо одумается, либо на развод первый подаст?

— Вот именно. Большинство мужей хоть раз изменяли своим жёнам. Просто те женщины, кто не хочет рушить семью, делают вид, будто ничего не знают. И уж точно сами не ищут неопровержимых доказательств измены.

Я погружаюсь в раздумья, вертя в пальцах сахарницу в виде пчелки — подарок бабушке и дедушке от Алины. Взгляд цепляется за часы. Без двадцати семь.

Мысль стучится в голову: а что, если позвонить Князеву? Сказать, что передумала? Ведь еще можно отступить, сделать вид, что ничего не знаю... Сохранить хоть что-то из того, во что верила все эти годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.